

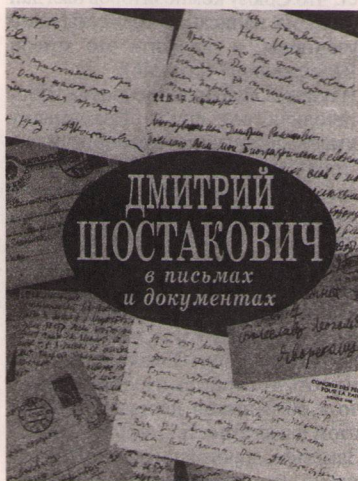
КОНТРАСТЫ ОДНОЙ СУДЬБЫ

Обещая вернуться к одной из знаменательных встреч в Нью-Йорке - с доктором искусствоведения Владимиром Заком, редакция выполняет свое обещание, правда, пока наполовину. Воспользовавшись любезным приглашением семьи Заков побывать у них в гостях, мы подарили Владимиру Ильичу книгу "Дмитрий Шостакович в письмах и документах" и попросили высказать свое мнение о ней. Честно говоря, трудно было ожидать столь скорой реакции, но сегодня вы читаете его рецензию на это издание. Вторая часть обещания, надеемся, будет выполнена в ближайшем номере.

О родном московском музыкознании узнавать в Нью-Йорке всегда волнительно. И, когда недавно в нашем раненом городе побывали И.А. Медведева и Н.Ю. Тартаковская, беседа о новой книге глинканского музея, посвященной Шостаковичу, оказалась центральной. Может быть, московские гости чересчур уж темпераментно представляли нам, "американцам", русское издание, которому сами отдали так много душевных сил? Нет. Совсем нет! Теперь, прочитав книгу, становится очевидным, что о ней можно говорить заново. Не только потому, что Москва тоже ранена, и Шостакович, будто услышав стоны своих сограждан, зазвучал в наших сердцах в том обостренном, непостижимом ладу сострадания, на который способен только он один! Думается все же, что новая книга - сама по себе - значительное достижение музыкально-исторической науки. Стараясь абстрагироваться от тревожных событий дня, хотелось бы сказать несколько слов о том, какие волны цунами обрушиваются на читателя русской книги, даже если сам читатель находится на берегу Гудзона. Не будем менять привычного музыковедческого жанра и, следовательно, не будем выходить за рамки обычной рецензии.

Дмитрий Шостакович в письмах и документах - поистине удивительная книга, со страниц которой предстает живой портрет Великого композитора. По этой книге, фактически очерчивающей весь жизненный путь Шостаковича, детализирующей каждый период его творчества, можно учиться красоте восприятия мира. Это подарок: не только для музыкантов, историков, социологов. Оригинальное собрание писем, подробные комментарии к ним, наличие других остро-социальных материалов могли бы послужить хорошей основой для новых фильмов о Шостаковиче, ибо кинематографисты найдут здесь много откровенно-зримого, зрелищного, но, прежде всего, психологически-емкого. За каждой фразой о музыке, написанной рукой Мастера, мы снова и снова слышим его партитуры, но слышим уже по-другому, ибо сама музыка углубляется фактами, согретыми теплотой и эмоциональностью автора документальных свидетельств. Феноменальная анкета по психологии творческого процесса, составленная профессором Р.И. Губером в 1927 году, - анкета, на которую подробно ответил двадцатилетний Шостакович, раскрывает перед нами взгляды молодого композитора на структуру творческого "Я", выдает сокровенные секреты метода сочинения музыки, пристрастия к тем или иным стилям, направлениям в искусстве, литературе, живописи. Документ и

сегодня потрясающе интересный для уяснения сути индивидуальности симфониста века - тогда еще только начинавшего поражать современников (стр. 470-481). К тому же, авторская аннотация к Первой симфонии (стр. 482) и замечания композитора к трактовке ее исполнением симфоническим оркестром (стр. 483-485) - своего рода лаборатория анализа музыкального становления. Оторваться от этого невозможно и в наши дни. И снова акцентируем главное: в упомянутых документах, равно как и во множестве других публикаций данной книги - точнейшая сейсмограмма чувств Музыканта, умеющего выра-

жать себя на листе бумаги не только с близкими друзьями, коллегами по работе, но и - совсем в ином ключе - с официальными лицами, коим писать композитору пришлось немало и как депутату Верховного совета, и как руководителю Российского Союза композиторов.

В переписке Дмитрия Шостаковича с десятками очень разных, совсем непохожих друг на друга людей улавливается множество нюансов, аттестующих бесконечно разностороннюю личность. И на первое место, безусловно, выступает сердечность тона - отца, мужа, сына, брата, друга: "Моя мама и сестры, - делится со своим наставником Б. Яворским совсем молодой еще Дмитрий Шостакович, - такие хорошие люди, но у них очень-очень мало радости... Я никогда не позволю себе огорчать их своими печальми... Поэтому дома я весел, бодр, утешаю, если возможно смешу..."

Читая новую книгу писем и документов, мы невольно задаемся вопросом: "Разве Шостакович сильно уступает Ильфу и Петрову? Ведь композитор на самом-то деле и талантливый фельетонист!"

Да, достоверность музыкального бытописательства органично сочетается у Шостаковича с оригинальнейшей культурой смеха - от броской сатирической зарисовки или хлесткого шаржа до доброго юмора и мягкой иронии. И то, как описывает Шостакович хваткую, но бездарную пианистку Лягавую, беззастенчиво покушающую и публику, и критику, и то, как ей вынужден подчиняться дирижер Штидри - саркастическое эссе литератора, памфлет на мешанство 20-х годов (фрагмент письма Б.Л. Яворскому, стр. 41-42). Общевропейские авторитеты тоже не застрахованы от пародирования. Шостакович шельмует "Домашнюю симфонию" Рихарда Штрауса за увлеченность бытовизмами, а заодно прищучивает и слушателя-обывателя, ибо именно в обывательщине композитор всегда видит сплошной негатив (стр. 59). В новом сборнике документов хорошо заметно как меняется стиль эпистолярная Шостаковича. Полная откровенность, чарующая открытость импульсивной натуры, переполненности впечатлениями, уступает место сдержанности, дисциплинированности, деловитости... и той особой манере изъяснения, которая может быть правиль-

КОНТРАСТЫ ОДНОЙ СУДЬБЫ

(Окончание)

но понята, если иметь в виду, что изначально для общества утверждение тоталитаризма. Огромная ценность комментариев нового издания как раз в том, что они верно ориентируют читателя, которому сегодня порой трудно, а в ряде случаев просто невозможно представить себе, о чем конкретно говорят Шостакович и его близкие. Один из комментаторов нового издания К. Баласаян разъясняет для нас важные факты: "9 марта 1940 года исполнялось 50 лет В.М. Молотову (он занимал пост Председателя Совнаркома СССР). Естественно, вся страна заранее готовилась к торжественной дате. Представляя себе ситуацию того времени, можно с уверенностью сказать, что партия поручила творческим союзам "воссоздать образ тов. Молотова" в литературе и искусстве. Подтверждение тому - публикуемое письмо, из которого явствует, что Союзу композиторов был дан заказ на написание торжественной увертюры, и поручить это хотели Шостаковичу" (стр. 246).

И впрямь: публикация письма Шостаковича его другу Л.Атовмянну имеет достаточно красноречивую "тональность": "К сожалению, боюсь, что Торжественную увертюру я не смогу написать, так как очень занят сейчас "Борисом". И кроме того, я не считаю себя в силах воссоздать образ тов. Молотова в музыке, так как это задача очень сложная и требует большого труда, мастерства и главного времени. Однако, если у меня хоть что-нибудь из этого выйдет, то я обязательно поставлю тебя об этом в известность" (стр. 245-246).

Заметьте, дорогой читатель: Шостакович не отказывается. Конечно, нет! Отказываться категорически значило бы поставить себя под роковой удар. Шостакович лишь "ставит под сомнение" свои способности, свое мастерство, которых, мол, не хватит, чтобы воссоздать образ тов. Молотова в музыке.

Иначе писать было нельзя, ибо любое зафиксированное слово (а почти таких лиц как Шостакович проверялась) могло обернуться непоправимой трагедией.

«... Над нами нависла большая беда,» - пишет Л.В. Николаеву мать композитора - Софья Васильевна Шостакович (стр. 153). Что за беда? Разъяснять ее "специфику" было тоже нельзя. И в комментариях О. Кузиной к этому документу мы читаем: "репрессии 1937г. коснулись и семьи Шостаковича: арестовали мужа его старшей сестры Марии, сама она была сослана в Среднюю Азию, а теща Дмитрия Дмитриевича, Софья Михайловна Варзар, отправлена в исправительно-трудовой лагерь под Караганду".

Если вспомнить, что перед войной в лабиринтах ГУЛАГа навсегда исчезли друзья, а то и соавторы композитора - либреттист А. Пиотровский, поэт Б. Корнилов, музыковед Н. Жилев, маршал М. Тухачевский, гениальнейший режиссер (так называл В. Мейерхольд сам Шостакович), то картина приобретает весьма мрачный колорит.

Может быть, сейчас, в новых письмах и документах, мы с особой силой осознаем, что "поход судьбы" против русского Гения начался уже в начале тридцатых. Богатые документальные материалы, посвященные музыкальному театру Шостаковича, дают основание комментатору С. Мартыновой (стр. 205) констатировать: "несмотря на успех балета "Золотой век", выдержавшего полный сезон с большим кассовым успехом, он был снят по идеологическим причинам. Постановка "Болта", блестящей пародии на соцреалистические произведения о вредительстве, была запрещена сразу после общественного просмотра 8 апреля 1931 г., "с чудовищным скандалом и со смертельной опасностью, нависшей над автором..." (Ирина Шостакович - Манашир Якубов. Живая классика. "Музыкальная академия". 1997. №4, стр.7). Из тех же комментариев С. Мартыновой мы узнаем, что Михаил Фабианович Гнесин не случайно осторожничал со словом "театр", ибо одно лишь упоминание имени Шостаковича о его работах в

области музыкального театра, могло нанести композитору травму. Гнесин говорил об этом в 1947 году, через одиннадцать лет после статьи-пасквиля "Сумбур вместо музыки", и за два месяца до нового удара по Шостаковичу - постановления ЦК от 10 февраля 1948 года о так называемом формализме.

Да, авторы нового сборника не ушли от остроты всех этих проблем и в Приложении целиком воспроизвели документы сталинской диктатуры: статьи "Правды" 1936 года об опере "Леди Макбет", балетах "Болт" и "Светлый ручей", а также Постановление ЦК ВКП(б) об опере "Великая дружба" Ваню Мурадели. В Приложении книги, составленном Н. Тартаковской, О. Дигонской, О. Кузиной, С. Мартыновой, портрет Дмитрия Шостаковича удачно дорисовывается воспоминаниями Г. Юдина, Б. Доброхотова, Н. Дорлиак, Д. Цыганова, Р. Корнблум, но финальные страницы внушительного издания словно бы символизируют кошмар пережитого: это Приказ №17 Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР от 14 февраля 1948 года, где приводится "черный список" произведений, запрещенных для исполнения. В злополучном перечне - тринадцать фамилий, в числе коих С. Прокофьев, Н. Мясковский, А. Хачатурян, В. Шебалин, М. Вайнберг и другие, однако Шостакович - "правовластный формализм", ибо он идет в Приказе под №1.

Слава Богу, что такие казусы в истории искусства России давно уже канули в Лету. И особенность книги документов в том, что ее авторы убедительно демонстрируют читателям противоположный процесс - процесс восстановления духовных сил Художника - не сломавшегося, не отрешившегося от себя. Быть может, судьба Шостаковича, подтвержденная его письмами - уникальнейшая история непоклонения фортуны. И действительно: читая письма Шостаковича, проникаешься пафосом жизнелюбия! Это своего рода парадокс! Даже тогда, когда вроде бы уже не оставалось надежды, когда рушилось все вокруг, Великий Художник словно бы "заряжался от солнца", черпал вдохновение в тайнах искусства, находил новые источники энергии в самих звуках Музыки. Во имя того, чтобы создавать Музыку Новую. Перечитывая слова Шостаковича, обращенные к его ученикам и коллегам по консерватории, к зарубежным музыкантам, перечитывая чудесные статьи самого композитора, становится понятнее значение вокального цикла Шостаковича на стихи А. Блока - цикла, который композитор мечтал исполнить вместе с Галиной Вишневской, Мстиславом Ростроповичем и Давидом Ойстрахом (стр. 344). Внимая письму Дмитрия Дмитриевича об Александре Блоке, сами собой вспоминаются пылкие поэтические строки русского поэта:

*В ночи, когда уснет тревога
И город скроется во мгле -
О, сколько музыки у Бога,
Какие звуки на земле!
Что буря жизни, если розы
Твои цветут мне и горят!
Что человеческие слезы,
Когда румянца закат!
Прими, Владычица вселенной,
Сквозь кровь, сквозь муки, сквозь гроба -
Последней страсти кубок пенный
От недостойного раба!*

Помните музыку? Не она ли воплощает романтизм Шостаковича, столь укрупнившийся в последний период бытия Художника?! Здесь, в Америке, для нас, иммигрантов, потерявших слишком много, романтизм Шостаковича возвращает веру в Человечество. И не об этом ли романтизм, идущем наперекор всему злу на белом свете, доверительно рассказывает нам новая документальная книга о жизни и творчестве русского Гения!

Владимир Зак,
доктор искусствоведения.
Нью-Йорк

Издание Государственного Центрального Музея музыкальной культуры имени М.И. Глинки. Москва, 2000. Координатор издательских проектов музея генеральный директор А.Д. Пяношник. Редактор-составитель: И.А. Бобыкина. Научные редакторы: М.В. Есипова, М.П. Рахманова. Рецензент: А.А. Наумов. Редакционная коллегия: И.А. Медведева, Г.П. Сахарова, Н.С. Севницкая

(Окончание на стр. 2)